ТАТ ХАГАТА

АРХИТЕКТУРА СОЗНАНИЯ

ПУТЕВОДИТЕЛЬ & РАССЛЕДОВАНИЕ

Тат Хагата
Архитектура сознания

https://litres.ru/74696057
SelfPub; 2026

Аннотация

Почему одна и та же реальность для разных людей устроена настолько по-разному? Почему одни события вызывают страх, другие — восхищение, а третьи остаются почти незамеченными?

«Архитектура сознания» — интеллектуальное исследование устройства человеческой картины мира: того, как возникают убеждения, ценности, эмоции и представления о себе и окружающих.

Первая часть книги — «Путеводитель» — предлагает заглянуть во внутреннюю механику собственного сознания. Вторая — «Расследование» — обращается к тому, как наши способы воспринимать реальность формируются и изменяются под влиянием культуры, общества и других людей.

Автор не предлагает читателю готовых ответов или единственно правильного мировоззрения. Его задача — помочь развить навык внутренней зоркости: способность замечать механизмы, которые обычно скрываются за результатами собственной работы.

Содержание

Введение 4
О книге 4
Путеводитель 7
Часть I. Внутренняя студия реальности 7
Глава 1. Ворон или Феникс 7
Глава 2. Иллюзия непосредственного мира 12
Глава 3. Модель мира как непосредственный объект переживания 24
Конец ознакомительного фрагмента. 37

Архитектура сознания

Введение

О книге

Эта книга не является научным трактатом, учебником по психологии или набором готовых рецептов. Точнее всего её жанр можно определить как *интеллектуальное исследование от первого лица*— одновременно путеводитель и расследование: личное эмпирическое исследование, эссе и в каком-то смысле детектив мысли.

Меня интересует не столько содержание отдельных убеждений, сколько архитектура, внутри которой вообще возникают убеждения, эмоции, ценности, реакции и критерии значимости. Почему одно событие переживается как трагедия, другое — как вызов, третье — как освобождение? Почему одна и та же реальность для разных людей может быть устроена настолько по-разному? Где заканчивается внешний мир и начинается модель, которую сознание строит внутри себя?

Я – не преподаватель, не искусствовед, не литературовед и не музыкальный критик. Я лишь наблюдательный собеседник, предлагающий пройти совместно цепочку рассуждений.

Встречающиеся в книге примеры из литературы, кино, музыки и других областей культуры выбраны субъективно. Читатель не обязан быть знакомым с этими произведениями и тем более не обязан считать их образцами «правильного искусства». Если вместо упомянутой мною книги, фильма или музыкального произведения у вас работает совсем другой пример, в рассуждении ничего не сломается. Важен не конкретный культурный объект, а механизм, который он помогает увидеть.

Я не собираюсь учить вас, чем восхищаться. Я предлагаю вам исследовать саму вашу человеческую способность восхищаться. Заглянуть в самого себя — чтобы заметить прежде незамечаемое, но чрезвычайно важное и неоценимое.

Книга не предлагает универсального набора «правильных настроек». Её задача другая: постепенно развивать *навык внутренней зоркости*— способность замечать собственные механизмы там, где прежде был виден только их готовый результат.

Во множестве ситуаций проблема находится не в самом содержимом жизни, а в интерфейсе, через который человек её воспринимает. Поэтому эта книга не о том, что человеку следует думать, чувствовать или любить. Она о том, как увидеть устройство собственной системы — связи, правила, скрытые допущения, источники значимости и способы, которыми всё это собирается в переживаемую реальность.

Если после чтения в некоторых привычных ситуациях станет заметен ещё один слой устройства, которого прежде не было видно, значит, книга выполнила свою задачу.

Путеводитель

Часть I. Внутренняя студия реальности

Глава 1. Ворон или Феникс

Мы живём не просто в реальности. Мы живём внутри её версии, собранной нашим сознанием.

На сложном опыте 90-х я понял, насколько многое зависит не только от того, что с человеком произошло, но и от того, какую конструкцию он выстраивает вокруг произошедшего.

Так случилось, что я остался без собственного жилья, жил на съёмной квартире и одновременно пытался заработать на собственную. О том, что удалось накопить уже довольно крупную сумму, случайно узнал посторонний человек. В результате на меня был совершён вооружённый налёт, и значительную часть этих денег я потерял.

Само событие изменить было уже невозможно. Но дальше начиналось то, что зависело от меня гораздо сильнее: *какое значение я придам этому событию и что позволю ему сде-*

лать со своей дальнейшей жизнью.

Проще всего было принять случившееся как доказательство несправедливости мира, как личное поражение, как повод опустить руки. Для человека, который долго шёл к собственной цели и внезапно лишился значительной части накопленного ресурса, такая реакция была бы вполне понятна для российского социума. Можно было начать жить внутри истории о том, как жизнь всё отняла, люди опасны, усилия бессмысленны, а будущее больше не заслуживает доверия.

Но именно в те годы я ежедневно занимался тем, что принято называть *внутренними практиками*, читал соответствующую литературу, изучал своё сознание. Поэтому довольно быстро попробовал посмотреть на случившееся не только как на трагический ущерб, но и как на практическую задачу. Как на дипломный проект, выражаясь саркастически.

Тогда у меня не было никаких заготовок, и я действовал чисто интуитивно в логике практик, которыми занимался. Но фактически я поставил себе три вопроса:

- можно ли извлечь из этой ситуации какую-то пользу?
- чему можно научиться в процессе её прохождения?
- как можно измениться, проходя через неё?

Эти вопросы не возвращали деньги и не отменяли самого нападения, которое само по себе могло оставить психическую травму. Они меняли другое — *конструкцию события внутри моего сознания.*

Прохождение ситуации на абсолютно трезвую голову за-

няло неожиданно короткое время — чему я и сам сильно удивился: всего через несколько дней я как будто вынырнул из плотного киселя, в котором было тяжело дышать. Ощущение напоминало завершение некоего мистического противостояния из романов Стивена Кинга: оглядываешь сам себя — цел ли, каков ущерб, можешь ли дышать, ходить. Оказалось — всё на месте, а на интерфейсе игрока пульсирует новый skill с прилично подросшим уровнем выживаемости.

Выражаясь человеческим языком, я вышел из этой истории не с ощущением тяжкого ущерба, а с ощущением новой силы и крыльев за спиной. Потеря осталась потерей, но вместе с ней я получил опыт непривязанности к деньгам, новый уровень внутренней гибкости и воодушевляющее чувство обновлённости.

Именно этот момент для меня оказался важнее самого ограбления. Одно и то же внешнее событие могло стать началом долгого разрушения — или материалом для перестройки собственной модели мира.

Правильно понимать, что я не отменил ущерб и не убедил себя, будто ничего серьёзного не произошло. Деньги были потеряны, нападение состоялось, последствия были реальными. Ощущение плотного киселя как раз и возникло из-за того, что я загрузил себя ощущениями по полной.

Но я изменил другое: *роль этого события внутри моей внутренней системы*. Оно не стало центром, вокруг которого начала перестраиваться вся дальнейшая жизнь. Наоборот,

событие оказалось встроено в неё как опыт, который что-то у меня отнял, но одновременно чему-то научил и сделал меня устойчивее.

Событие — одно. Способов его восприятия — несколько.

Эта мысль давно была для меня важной. Российский фантаст Андрей Лазарчук сформулировал её почти предельно прямо:

«Наш мир, в основном, представляет собой коллективный вымысел или, по меньшей мере, описание, текст, информационный пакет. Непосредственно в ощущениях мы получаем малую толику информации о нём (да и ту, зная кое-что о механизмах восприятия, можем ставить под сомнение), значительно же больше — в виде сообщений, прошедших через многие руки». [1]

Приведённая цитата очень точно выражает один из исходных пунктов этой книги: значительная часть мира, в котором мы живём, приходит к нам уже описанной, истолкованной и отобранной другими.

А эта книга посвящена тому, откуда берутся такие версии, почему одна из них начинает казаться *единственно возможной*и можем ли мы заметить момент, когда сознание превращает произошедшее в так называемую «судьбу».

Глава 2. Иллюзия непосредственного мира

Люди по-разному относятся к устройству вещей. Если в настольной лампе сломался выключатель, один человек пойдёт покупать новую лампу. Другой сначала разберёт её и посмотрит, что именно перестало работать. Во втором случае человеку важно не только вернуть свет, но и вернуть устройство в рабочее состояние.

Нечто похожее происходит и в отношении собственного сознания.

Сознание — это система, в которой взаимодействуют множество связанных между собой элементов: восприятие, память, эмоции, привычки, представления о мире и о себе. Они непрерывно влияют друг на друга, и результат их совместной работы мы обычно получаем в готовом виде — как мысль, чувство, решение или просто очевидное для нас понимание происходящего.

Можно просто пользоваться тем, что наше сознание-система нам выдаёт. А можно иногда спрашивать: что именно

сейчас происходит, почему система реагирует так, а не иначе, из каких связей складывается эта реакция и можно ли изменить её настройки?

По общему представлению, мы все видим один и тот же мир. Точнее: *смотрим* в один и тот же мир. Но, как понимает любой наблюдательный человек, каждый видит в этом мире свою собственную картинку, несмотря на общие погодные условия :)

Когда смотрим в окно — видим дерево. Не световые волны определённой длины, не набор цветовых пятен и не результат работы сетчатки, зрительного нерва и мозга. Именно дерево. Более того, у нас не возникает ни малейшего сомнения в том, что дерево находится там, за окном, а не у нас в голове. Мы можем выйти из дома, подойти к нему, потрогать кору, укрыться в его тени, вдохнуть аромат цветущей липы.

В практическом смысле этого вполне достаточно. Именно так мы и живём. Но если присмотреться к самому процессу чуть внимательнее, возникает странный вопрос: что именно из находящегося «там» непосредственно попадает в наше сознание?

Очевидно, не само дерево. До глаза доходит отражённый свет. До слуха доходят звуковые колебания, кожа реагирует на давление и температуру, органы обоняния — на присутствие определённых веществ. После этого происходит огромная работа, большей части которой мы совершенно не замечаем. И только в результате этой работы в нашем созна-

нии появляются дерево, человеческое лицо, приближающаяся машина, голос знакомого человека – объекты, которые мы опознаём.

То есть сознание получает не «голую реальность», а результат её обработки. Между физическим миром и тем миром, который мы непосредственно переживаем, что-то происходит. Причём происходит настолько быстро и бесшовно, что результат этой работы мы воспринимаем как саму действительность.

Это ощущение непосредственного доступа к миру можно назвать иллюзией непосредственного мира.

Речь вовсе не о том, что дерево иллюзорно или окружающая действительность существует только в нашем воображении. Подобное утверждение увело бы нас совсем в другую сторону. Иллюзорно другое — наше естественное ощущение, будто сознание имеет непосредственный доступ к реальности и просто показывает нам то, что находится перед нами.

Наглядной аналогией здесь может служить компьютерный интерфейс. Когда мы открываем на компьютере папку, нам не требуется знать, что происходит в микросхемах, какие участки памяти задействованы, каким образом кодируется

информация и какие команды выполняет операционная система. Достаточно видеть на экране изображение папки, нажимать на него и получать необходимый результат. При этом мы, конечно, не предполагаем, что внутри компьютера действительно находится маленькая жёлтая папочка. Изображение является элементом интерфейса, который позволяет взаимодействовать с чрезвычайно сложной системой, скрывая от пользователя компьютера почти всё происходящее внутри неё.

Можно применить похожую метафору и к человеческому восприятию. Мы видим дерево не потому, что дерево каким-то образом целиком «вошло» в наше сознание. Сознание построило пригодный для взаимодействия с окружающим миром образ дерева. Причём сделало это без нашего сознательного участия. Мы не выбирали зелёный цвет листьев, не вычисляли расстояние до ствола, не собирали ветви из отдельных линий и не перебирали в памяти каталог известных нам объектов, пока наконец не остановились на категории «дерево». Всё это уже произошло к тому моменту, когда мы просто подумали: «Вот дерево». И в дальнейшем при воспоминаниях об этом дереве, наше сознание использует уже сложившийся его образ, который никогда не синхронен живому сиюминутному дереву.

Такое устройство восприятия невероятно удобно. Сознание показывает своему владельцу преимущественно результат, скрывая сам процесс вычислений. Иначе мы, вероят-

но, вообще не смогли бы существовать в окружающем мире: вместо устойчивых предметов и событий получили бы невообразимый поток световых, звуковых, тактильных и прочих воздействий, из которых каждую секунду пришлось бы сознательно конструировать происходящее.

Однако здесь начинается гораздо более интересная область. Ведь мы распознаём не только физические предметы.

Предположим, знакомый человек вошёл в комнату. Это ещё сравнительно простой уровень описания события. Но почти одновременно с ним могут возникнуть совсем другие определения: он раздражён, он меня избегает, он высокомерен, он чем-то расстроен, он опасен, он мне симпатичен, он сейчас что-то скрывает. Где в таком случае заканчивается то, что произошло, и начинается *моя модель происходящего*?

Если знакомый человек не поздоровался со мной на улице, физическая часть события сравнительно бедна: мы оказались поблизости, он прошёл мимо, привычного обмена словами или жестами не произошло. Но переживаемое мной событие может оказаться значительно богаче. Я могу решить, что он меня демонстративно проигнорировал. Могу предположить, что он задумался и не заметил меня. Могу встревожиться и подумать, что с ним что-то произошло. Могу решить, что он на меня обижен. Наконец, могу вообще не придать случившемуся никакого значения. Моя реакция прямо зависит от моей интерпретации.

Одно внешнее событие способно породить несколько со-

вершенно разных внутренних событий, каждое из которых в момент переживания может казаться столь же очевидным, как дерево за окном.

Здесь находится важная для дальнейшего рассуждения граница. Обычно мы представляем себе дело примерно так: сначала существует объективное событие, затем мы его воспринимаем, а уже после начинаем каким-то образом оценивать и интерпретировать. Но в действительности отделить восприятие от интерпретации оказывается гораздо труднее. Уже в том, как мы «видим ситуацию», может присутствовать огромное количество ранее накопленного материала: память, прошлый опыт, ожидания, страхи, привычки, культурные нормы, представления о людях и о самих себе.

Мы не просто получаем реальность, а затем что-то к ней добавляем. Во многих случаях мы получаем её уже собранной. Как будто в нашем мозге работает некая студия Pixar, которая собирает информационные образы, корректирует их в соответствии с нашим представлением о мире и выдаёт нам готовую сцену происходящего.

Лет 15 назад я назвал эту промежуточную систему *мировоззренческим интерфейсом* – термином, не претендующим на научность. Для меня это прежде всего удобная инженерная метафора. Первоначально меня интересовали мировоззренческие конструкции, через которые я сам в разные периоды жизни смотрел на мир: советская, хиппистская, православная, эзотерическая и другие модели. Каждая из них

словно предоставляла человеку собственный набор инструментов для объяснения происходящего и для взаимодействия с ним.

Одно и то же событие может быть понято как случайность, промысел, карма, статистическая закономерность, испытание, социальный процесс или результат чьей-то злой воли. Само событие при этом не изменилось, но его влияние на переживаемую человеком действительность оказывается совершенно различным.

Позже я понял, что метафора *интерфейса* работает значительно глубже. Промежуточный слой возникает задолго до формирования каких-либо осознанных философских или религиозных представлений. Он присутствует уже в самом восприятии. У нас просто нет кнопки «показать реальность без обработки». Более того, такая функция едва ли имела бы для человека практический смысл.

Если представить, что вся предварительная обработка внезапно исчезла и сознанию предъявили нераспознанный поток света, звука, давления, температуры и запахов, мы получили бы не более точную реальность, а хаос, с которым невозможно взаимодействовать. Чтобы существовать, человеку нужен не поток физических воздействий. Ему необходим мир, состоящий из *распознанных* предметов, расстояний, лиц, причин, опасностей, других людей и смыслов.

Поэтому способность превращать невообразимо сложный поток воздействий в устойчивую картину мира — вовсе не

недостаток человеческого сознания. Напротив, это одно из важнейших условий нашего существования. Проблема возникает только тогда, когда мы забываем о самой сборке и начинаем воспринимать полученную модель как единственно возможную форму реальности.

Именно поэтому слово «иллюзия» в названии этой главы требует некоторой осторожности. Я не утверждаю, что человек живёт в обмане. Модель вовсе не обязательно является ложью. Карта Москвы не становится ложной потому, что собрана из символов и условных обозначений, а не из настоящих улиц и домов. Она и не должна быть Москвой. Она должна достаточно хорошо соответствовать Москве для решения определённой задачи.

При этом навигатор строит одну модель города, схема метро — другую, кадастровая карта — третью. Историк Москвы увидит ещё одну Москву. Проголодавшийся человек, ищущий место где поесть, — свою. Человек, вспоминающий первый поцелуй возле станции метро «Арбатская», — ещё одну. Физически перед ними находится один и тот же город, но переживаемые ими города различны. И поэтому суммой наших восприятий является *параллельная* Москва.

Сознание, по всей видимости, поступает похожим образом. Оно не предоставляет нам реальность во всей её полноте, а строит пригодную для нашего существования модель. И уже внутри этой модели мы живём совершенно всерьёз.

В этом нетрудно убедиться на простом опыте. Посмотри-

те на комнату, в которой сейчас находитесь, и попробуйте несколько секунд ничего в ней не узнавать. Не видеть стол как стол, монитор как монитор, окно как окно. Не читать буквы, не понимать назначения вещей, не оценивать расстояния, не связывать звуки с их предполагаемыми источниками. Попробуйте получить только «сырые данные».

Это практически невозможно. Можно расфокусировать взгляд, попытаться увидеть вместо предмета сочетание линий и цветовых пятен, заставить себя рассматривать знакомое лицо как странную комбинацию геометрических форм. Но само усилие показывает, насколько мощно сознание сопротивляется подобному режиму. Оно непрерывно *собирает мир*. Как только несколько линий *складываются* в знакомый предмет, мы видим этот предмет: поэтому бывает, что увидели *нечто знакомое*, но подошли — и обнаружили, что ошиблись. Так формируются и образы лиц, и звуковые образы.

Максимум, что мы можем представить – что в собственной комнате находимся впервые. В ранние годы своего брака я практиковал такой метод *видения* хорошо знакомого места, чтобы научиться *непривыканию*, например, в отношении к жене – для сохранения ощущения влюблённости.

Сознание словно непрерывно задаёт окружающему потоку один и тот же вопрос: «Что это?» — и обычно успевает ответить прежде, чем мы замечаем существование самого вопроса.

Но если сознание собирает для нас дерево, комнату и человеческое лицо, следует ли полагать, что с такими понятиями, как успех, унижение, нормальность, любовь, долг, красота, справедливость, Бог или счастье, наше сознание поступает как-то иначе?

В физическом мире нет самостоятельного объекта «успех». Тем не менее человек способен посвятить ему всю жизнь и даже разрушить жизнь ради него. Не существует физического объекта «оскорбление», но оскорбление способно вызвать настоящую ярость. Миллионы россиян стали жертвами мошенничества с банковскими счетами именно потому, что выдуманное событие — «ваш счёт взломан», «на вас оформляют кредит», «необходимо срочно перевести деньги» — становилось для человека частью переживаемой реальности. Реального кредита могло не существовать, но действия, совершённые человеком под влиянием этой реальности, были уже совершенно реальными.

Когда-то, в середине 80-х, первый выход в торговый зал в качестве грузчика потребовал от меня некоторого *внутреннего усилия*. Физически со мной не произошло ничего особенного: тот же человек, бывший участник внезапно завершившей гастроли рок-группы, теперь просто выполнял другую работу. Но существовавшая вокруг социальная модель уже имела *оценку непрестижности* такой должности. И тогда мне хватило простейшей поговорки «не место красит человека, а человек — место», чтобы изменить не должность, а

способ её восприятия. Должность осталась той же, но изменился интерфейс, через который я воспринимал собственное положение.

Тогда я, разумеется, не формулировал происходящее таким образом. Та самая прослойка между мной и миром ещё долгие годы оставалась лишь смутным ощущением моего неосознаваемого тогда «поискового радара». Но теперь я могу рассмотреть её значительно внимательнее.

Между тем, что происходило и *как*я воспринимал происходящее, находится огромная территория. На ней работают органы чувств и память, язык и культура, прошлый опыт и ожидания, убеждения и привычки, страхи и мечты. Именно эта территория в первую очередь и интересует меня в этой книге.

Возможно, здесь находится ответ на множество странных человеческих вопросов. Почему два человека, находящиеся рядом и наблюдающие одно событие, иногда словно живут в разных мирах? Почему событие, почти не замеченное одним человеком, способно изменить жизнь другого? Почему одна книга остаётся для нас набором букв, а другая перестраивает какую-то часть личности? Почему музыка, физически представляющая собой всего лишь последовательность кратных частотных колебаний, способна вызвать состояние, которого прежде вообще не существовало в нашей жизни? Почему изменение одного убеждения иногда не меняет почти ничего, а небольшое изменение самого способа смотреть на проис-

ходящее вдруг перестраивает целый пласт существования?

И наконец, если значительная часть переживаемого нами мира действительно собирается внутри нас, возникает гораздо более интересный вопрос: *насколько человек способен влиять на правила этой сборки*?

Глава 3. Модель мира как непосредственный объект переживания

Человек реагирует не на реальность как таковую, а на ту модель ситуации, которую считает реальностью.

Если мне покажется, что в соседней комнате находится неизвестный, то я испытываю страх. Сердце начинает биться быстрее, тело напрягается, внимание концентрируется на звуках за дверью. Я стараюсь двигаться тише, ищу глазами возможный выход, беру в руки предмет, которым при необходимости можно защититься.

Но, возможно, что за дверью никого нет. Это выяснится через минуту. Я открою дверь, включу свет и обнаружу упавшее пальто, сквозняк или кошку, свалившую что-нибудь с полки.

Опасности не было, а страх был. Это довольно важное различие. Моё состояние определялось не тем, что происходило в физическом мире, а тем, что, *по моему представлению*, в нём происходило. Можно возразить, что это всего лишь наваждение. Человек получил недостаточно информации, сделал неправильный вывод, а затем исправил его. Никакой загадки здесь нет.

И действительно, загадки нет. Но для нашего разговора

гораздо интереснее другое: до момента исправления ошибки организм относился к собственной модели ситуации как к реальности: он не ждал результатов расследования, он покрылся пупырышками. И поэтому среди человеков так популярен киножанр horror :)

Если я уверен, что за дверью стоит некто опасный, для моего непосредственного переживания он там *уже*стоит. Мои эмоции, решения и действия начинают зависеть от этой модели восприятия. И только новая информация способна её изменить.

Тот же принцип работает в куда менее драматических обстоятельствах. Мы ждём человека, который опаздывает на встречу. Прошло десять минут, потом двадцать, потом сорок. Сам по себе доступный нам физический факт чрезвычайно прост: человека в условленном месте пока нет.

Но почти никто не переживает эти сорок минут как чистый факт отсутствия человеческого тела в определённой точке пространства:

- один думает: «Наверное, попал в пробку».
- другой: «С ним что-то случилось».
- третий: «Он опять не считает нужным предупредить».
- четвёртый: «Я ему безразличен».
- пятый раздражается на себя: «Зачем я вообще согласился на эту встречу?»

Через сорок минут человек появляется и сообщает, что в метро остановился поезд и телефон не ловил сеть.

Внешнее событие всё это время было одним и тем же. Но внутри разных людей могли формироваться совершенно разные отклики. Один спокойно читал книгу. Другой успел обидеться. Третий испугался. Четвёртый мысленно поссорился с опаздывающим, приготовил обвинительную речь и позвонил прокурору :)

Причём когда человек наконец появился, ему пришлось иметь дело уже не только с последствиями задержки поезда. Ему пришлось войти в несколько реальностей, которые за время его отсутствия успели построить другие люди. Иногда объяснение разрушает такую конструкцию мгновенно. Иногда нет.

В какой-то момент физический поезд, действительно остановившийся между станциями, вообще перестаёт иметь отношение к происходящему разговору. Люди взаимодействуют уже со своими моделями друг друга. И вот здесь начинается вещь, значительно более существенная, чем простая ошибка восприятия.

Модель мира — это не картинка, которую сознание бесстрастно рассматривает изнутри. Мы находимся внутри неё. Она определяет, что в данный момент для нас опасно, желательно, унизительно, прекрасно, допустимо, бессмысленно или важно.

Если человек уверен, что его не любят, то он живёт не рядом с нейтральным набором поступков другого человека, которые можно было бы спокойно исследовать. Он живёт *в мире нелюбви*. В этом мире одни события становятся доказательствами, другие почти не замечаются, третьи получают заранее определённое значение. Опоздание становится равнодушием, усталость — охлаждением, молчание — скрытой враждебностью.

Но возможна и обратная конструкция. Человек убеждён, что его любят, и те же самые события получают совсем другие объяснения. Опоздание оказывается случайностью, усталость — поводом для заботы, молчание — естественной и уважаемой потребностью побыть одному.

Когда же человек и сам влюблён, и убеждён, что его любят — весь мир для него преображается так, как будто он попал в параллельную реальность, где само Сущее идёт ему навстречу.

Разумеется, из этого совершенно не следует, что все интерпретации равноценны. Иногда нас действительно не любят. Иногда человек действительно врёт. Иногда за дверью действительно находится угроза. Возможность ошибочной модели не отменяет существования физической реальности и объективных обстоятельств. Для нас сейчас важно другое: прежде чем обстоятельство станет частью моего переживания, оно должно каким-то образом оказаться представлено

внутри моей модели происходящего.

И именно *с этим представлением взаимодействует наше сознание*.

На первый взгляд разница кажется почти словесной. Какая разница, сказать «я боюсь собаки» или «я боюсь своей модели этой собаки», если передо мной действительно стоит настороженная незнакомая собака? Практически — никакой. Но стоит изменить одно условие, и разница становится очевидной.

Допустим, один человек с детства боится собак, а другой — кинолог. Перед обоими находится одна и та же собака. Они видят одни и те же зубы, слышат одно и то же рычание, находятся на одинаковом расстоянии от животного. Однако один воспринимает происходящее как непосредственную угрозу нападения, а другой замечает в поведении собаки признаки страха и понимает, что приближаться к ней сейчас действительно не следует, но паники не испытывает.

Физическая собака одна. Переживаемые собаки разные. Это не значит, что второй человек придумал себе «хорошую собаку», а первый — «плохую». Скорее, в их модели попало разное количество информации, а уже имеющийся опыт поразному организовал эту информацию в значимое целое.

И здесь возникает ещё одна *важная особенность модели мира*: она не просто объясняет произошедшее задним числом. Она участвует в выборе того, *что вообще будет замечено*.

Человек, плохо знающий живопись, входит в музей и видит картины. Человек, десятилетиями занимающийся живописью, входит в тот же зал и замечает композицию, работу с цветом, характер мазка, цитаты из других произведений, принадлежность к определённой школе, технические решения, которые первый посетитель физически тоже видит, но практически не считывает.

Перед обоими находятся одни и те же холсты. Но количество мира, вошедшего в их переживание, различно. Аналогично с музыкой: примеры хорошо знакомы.

В этом месте существует соблазн построить иерархию: один человек якобы видит мир «правильно», а другой — плохо или примитивно. Но нас интересует не оценка. Сейчас важно лишь заметить факт: уже существующая внутренняя модель способна менять количество и структуру информации, которая становится частью переживания.

Человек, никогда не живший с маленьким ребёнком, иначе услышит детский плач, чем его мать. Автомеханик услышит в шуме двигателя то, чего не замечу я. Человек, соприкоснувшийся с войной, может совершенно иначе отреагировать на далёкий хлопок. Влюблённый заметит изменение интонации, которое остальные присутствующие вообще не заметят.

Мир непрерывно предлагает нам неизмеримо больше информации, чем мы способны принять через свои фильтры. Модель помогает выбирать из этого количества то, что имеет

для нас значение. Но тем самым она неизбежно что-то оставляет за пределами нашего внимания. И это свойство становится чрезвычайно важным.

Много лет назад смеха ради я несколько раз пытался проходить журнальные «тесты для мужчин» — и обнаруживал одну и ту же проблему. На вопрос предлагалось несколько вариантов ответа, но моего среди них просто не было. Похожее случалось и с некоторыми социологическими тестами.

Сам по себе этот случай кажется пустяком. Но в нём хорошо видна ещё одна особенность модели. Если я отказываюсь отвечать, мой вариант вообще не попадёт в результаты. Если же меня заставить выбрать ближайший из предложенных, я прекрасно войду в статистику — только моего настоящего ответа в ней уже не будет.

Сначала наблюдаемую реальность приводят к одному из состояний, предусмотренных моделью, а затем полученный результат используют как данные о реальности.

Модель может не просто не заметить неизвестный ей вариант. Она способна преобразовать его в один из известных.

Представим двух людей, работающих в одной организации. У них один начальник, одинаковый рабочий день и примерно одинаковая зарплата. Первый уверен, что начальство

всегда стремится использовать сотрудников и любую инициативу воспринимает прежде всего как возможность нагрузить человека дополнительной работой. Второй считает, что инициатива позволяет расширить собственные возможности и получить больше самостоятельности.

Начальник предлагает обоим принять участие в новом проекте. Первый слышит: «На меня хотят повесить ещё одну работу». Второй: «Мне предлагают попробовать что-то новое».

Само предложение начальника от этого не изменилось. Более того, мы пока вообще не знаем его настоящих намерений. Возможно, первый сотрудник прав. Возможно, второй. Возможно, начальник одновременно хочет решить проблему предприятия, проверить сотрудников и избавиться от части собственной нагрузки.

Но ещё до того, как это выяснится, модели двух сотрудников уже начали производить реальные последствия: один откажется, другой согласится. И через год первый может сказать: «Я так и знал, здесь невозможно развиваться». А второй к этому времени приобретёт новый опыт, познакомится с другими людьми и, возможно, получит повышение. Тогда первоначальная модель первого сотрудника получит ещё одно подтверждение: он остался на прежнем месте.

Отличный пример для иллюстрации — настольная игра «Китайские шашки». В ней нет прямого противостояния: каждый идёт своим путём, а ходы других игроков могут как

мешать, так и помогать достижению вашей цели. Одинаковые правила, одна доска, одна объективная конфигурация — и совершенно разные переживаемые ситуации. Поэтому даже в малознакомом вам человеке вы сможете заметить реакцию, раскрывающую его собственную модель происходящего, и даже — его восприятие жизни.

Так возникает интересная петля. Модель не только описывает реальность. Иногда она заставляет человека действовать таким образом, что сама участвует в производстве его реальности, которая впоследствии подтверждает эту же модель.

• Человек уверен, что людям нельзя доверять, поэтому держится настороженно. Окружающие чувствуют дистанцию и тоже становятся осторожнее. Их осторожность воспринимается как очередное доказательство: людям действительно нельзя доверять.

• Человек считает себя скучным, поэтому в незнакомой компании почти не говорит. С ним мало разговаривают. Вернувшись домой, он получает подтверждение: «Я никому не интересен».

• Человек убеждён, что любое несогласие приводит к конфликту, поэтому долго молчит, терпит и накапливает раздражение. Когда напряжение становится невыносимым, он наконец высказывается в такой форме, что конфликт действительно возникает. После чего его модель торжествует.

В подобных случаях становится трудно определить, где

заканчивается описание мира и начинается его производство. Фактически, мы имеем дело с системой обратной связи: модель влияет на действия человека, действия меняют окружающую ситуацию, изменившаяся ситуация возвращается в сознание как новая информация и используется для уточнения — или, наоборот, укрепления — прежней модели.

Некоторые представления о мире обладают удивительной устойчивостью. Они умеют находить собственные подтверждения.

Если я заранее знаю, что все люди корыстны, бескорыстный поступок создаёт для моей модели проблему. Но проблема легко решается: человек просто скрывает настоящую выгоду. Если я убеждён, что всё происходящее со мной — результат злого умысла окружающих, случайность превращается в хорошо замаскированное действие врагов (конспирологическая модель). Если я уверен, что мир благосклонен ко мне, неприятное событие можно истолковать как полезный урок или необходимый поворот.

Любая достаточно развитая модель обладает способностью защищать себя.

Это вовсе не означает, что следует вообще отказаться от моделей. Как мы уже выяснили, сделать это невозможно. Более того, без устойчивых представлений о мире человек, вероятно, вообще не смог бы действовать. Нам необходимо заранее предполагать, что качели выдержат наш вес, знакомый завтра останется примерно тем же человеком, деньги сохранят хотя бы некоторое значение, а поезд, указанный в расписании, скорее всего, куда-то поедет.

Проблема не в наличии модели, а в том, что модель обычно переживается нами как сама реальность. Когда человек не пытается осмыслить: «Я понимаю происходящее таким образом», — а уверен: «Происходящее *таково*».

Разница между этими двумя состояниями кажется небольшой только на бумаге. В жизни она огромна. Но большинство людей её вовсе не замечает. Если спросить такого человека: «Какая у вас мировоззренческая модель?», то он простодушно ответит: «Никакой модели нет. Я вижу мир таким, какой он есть». И такой ответ вы можете услышать от людей самой разной политической или религиозной ориентации.

В первом случае между мной и моим представлением остаётся хотя бы небольшой зазор. В него может войти новая информация. Я могу обнаружить ошибку, изменить объяснение, заметить прежде невидимое. Во втором случае зазора нет – модель становится прозрачной: "Я перестаю видеть её

и вижу сквозь неё мир".

Наверное, именно поэтому нам гораздо легче заметить мировоззрение другого человека, чем собственное. Чужая модель выступает наружу своими странностями, ограничениями, предрассудками и нелепыми, с нашей точки зрения, объяснениями. Своя же воспринимается просто здравым смыслом.

Человек другой эпохи поражает нас тем, насколько естественными для него были представления, которые сегодня кажутся дикими. Но ему самому они не казались исторической моделью. Он просто жил в мире, который был устроен именно так.

Мы находимся в точно таком же положении. Разумеется, содержание наших моделей другое. Но нет никаких оснований считать, что мы каким-то чудесным образом получили непосредственный доступ к окончательной версии действительности.

И здесь *метафора интерфейса* приобретает ещё один смысл.

Хороший компьютерный интерфейс почти незаметен. Пользователь думает о фотографии, музыке или маршруте, а не о кнопках, меню и программных процедурах, благодаря которым с ними взаимодействует. Интерфейс становится заметен лишь своей неуклюжестью: нужная команда спрятана, значок непонятен, привычная функция после обновления исчезла.

С мировоззренческим интерфейсом, возможно, происходит нечто похожее: пока он успешно обслуживает нашу жизнь, мы почти не замечаем его существования. Нам кажется, что мы просто видим людей такими, какие они есть; понимаем очевидные вещи; правильно оцениваем происходящее; естественно реагируем на события.

И лишь в моменты сбоя интерфейс может себя обнаружить. Когда старое объяснение больше не объясняет. Когда человек, которого мы считали одним, оказывается другим. Когда событие, которое должно было принести счастье, его не приносит. Когда привычный способ поведения раз за разом приводит к одному и тому же нежелательному результату. Когда чужая точка зрения, прежде казавшаяся абсурдной, неожиданно позволяет увидеть то, чего мы не замечали. Или когда прежняя картина мира просто становится слишком тесной для накопленного опыта — как это произошло после Перестройки, когда советская модель реальности начала рушиться.

Именно такие моменты особенно интересны. Потому что в них на короткое время становится видимым то, что обычно прозрачно: мы обнаруживаем не только ошибку в отдельном суждении. Иногда мы обнаруживаем систему, которая это суждение произвела.

И тогда впервые появляется возможность работать не только с тем, *что мы думаем о мире*, но и с тем, *почему именно такой мир возникает перед нами как очевидный*.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.